

18+

Андрей Щупов

ЦЕНТУРИЯ

Андрей Щупов

Центурия

«Издательские решения»

Щупов А.

Центурия / А. Щупов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519443-5

В сборник вошли четыре фантастических произведения Андрея Щупова: «Центурия», «Никто не устоит перед кино», «В бездну» и «Очередь». Героям повестей и рассказов приходится выживать в городских джунглях и джунглях самых настоящих, путешествовать во времени и сталкиваться с необъяснимой мистикой. Зло здесь настолько условно и призрачно, что добру просто невозможно одержать победу. Однако и в числе проигравших оно не спешит оказаться...

ISBN 978-5-00-519443-5

© Щупов А.
© Издательские решения

Содержание

ЦЕНТУРИЯ	6
ЦЕНТУРИЯ	6
ПРОЛОГ	6
СМЕЩЕНИЕ	8
ПЕРВАЯ АТАКА	13
ПРИВАЛ	14
БОЙ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Центурия

Андрей Щупов

© Андрей Щупов, 2020

ISBN 978-5-0051-9443-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЦЕНТУРИЯ

«Так уж устроено в этом мире: если в одном месте смеются, в другом обязательно плачут. Поэтому улыбайтесь, смейтесь и хохочите, но все-таки не увлекайтесь».

Сергей Кинтуш

ЦЕНТУРИЯ

ПРОЛОГ

Тучи клубились под сумеречным потолком Хранилища Времени. Вековые котлы громоздились неровными рядами, дрожало пламя, жар растекался над землей, навевая дремотную лень.

Клыкасто зевнув, бесенок поскреб спицей мохнатое пузо, дугой выгнул ребристое тощее тельце. Однообразное, размеренное бульканье усыпляло. Оно стекалось со всех сторон, заливая мозг сладкой патокой, смыкая веки, уговаривая лечь и отдаться во власть сна. Не удержавшись, чертенок цапнул себя за плечо. Перебрав зубами шерсть, прикусил невидимое насекомое, сонно огляделся.

Хранилище... Он фыркнул. Справа тьма, слева тьма и никаких стен. Только длинные, подсвеченные огнем шеренги котлов, убегающие в такую же непроглядную тьму. Это вам не подземелье, где шумно и весело, где испуганно галдят грешники и можно с воем носиться взад-вперед, нахлестывая хвостом вновь прибывающих, награждая их тумачами, покусывая за дряблые ягодицы. А здесь... Здесь все иначе. Пойди разбери, что там в этих котлах. Говорят, время. Но разве такое возможно? Даже один-единственный час не поймать и не упрятать в клетку, а Хранитель утверждает, что в каждом котле целое столетие. Миллионы судеб, миллионы жалких, смешных и скучных историй.

Щурясь от едкого пара, бесенок поерзал на высоком табурете, с любопытством заглянул в глубь котла – самого последнего, еще не успевшего потускнеть, с зеркальным глянецом на округлых боках, за которым, по словам Хранителя, надлежало ухаживать особо. То бишь – присматривать не абы как, а в оба глаза. По соседству из нетленного бетона спешно возводился массивный фундамент, продолжающий бесконечную шеренгу, однако ни поленьев, ни самого чана пока не завезли. Стрелке следовало дойти до положенной отметки, а нынешнему зубастому веку дожевать последние свои годочки.

Чуть наклонившись, дьяволенок словно острогу выставил перед собой спицу, плотоядно улыбнулся.

Вскипая из ничего, густым кисельным потоком – наверх, к призрачному свету, тянулись мириады крохотных пузырьков. Вздываясь с высотой, тесня и проглатывая друг дружку, оттого раздуваясь еще больше, они превращались, в конце концов, в огромные неповоротливые шары. Лиловые, блестящие, они выныривали на поверхность, половинками сфер пучеглазо тарасились, словно и впрямь могли разглядеть мохнатое личико черта. Проплавав секунду-другую, лопались в мелкие брызги. Тех, кто мешкал, бесенок аккуратно прокалывал спицей. Тонкая сталь приобретала солоноватый привкус, и, облизывая ее, черт довольно покряхтывал. Такое же удовольствие испытывают деревенские мальчишки, тыча в муравейник соломинками, заставляя переполошенных муравьев отплевываться кислотой.

Раздвоенный язычок бесенка мелькал с поразительной скоростью. Если бы еще не эта плесень! Густая, пузырчатая, она облепила далекое дно, и не было никакой возможности до нее дотянуться. Бурление обходило ее стороной, и те же пузырьки, сохранившие микробное существование, цепко держались глубины, переживая поколения своих собратьев, превращая экономенную энергию движения во временную протяженность. Даже кончиком черпака дьяволенок никак не мог подцепить рыхлую массу. При этом он всерьез рисковал опрокинуться в вязкий кипяток. Недоступность ничтожеств в пузырчатом обличье распалая так, что хотелось рычать... Внезапно он оставил безуспешные попытки и после минутного размышления ухмыльнулся. Новая идея завладела его умишком. В предвкушении развлечения сердечко черта забило быстрее. Подхватив отшлифованный ладонями прежних служителей черпак, он воровато осмотрелся. Соскочив с табурета, зацокал копытцами вдоль вереницы котлов, выбирая подходящий. На этот раз глазки остановились на старом, отлитом из бронзы котле, закопченном от низа до самого верха...

Черпак погрузился в лохматый пар, с хлопаньем вобрал в себя дымящуюся порцию. Чертеночек заспешил обратно. Бесцветное варево плеснуло в тревожно бурлящую муть и тут же вскипело черным. От котла потянуло терпким, прокисшим запахом, в горле у дьяволенка засвербило, на глазах выступили слезы. Кашляя и чихая, он отбежал в сторону. Подобного результата он не ждал. Собственно, он и понятия не имел, чего можно ждать. Но челюсти шутика дробно клацнули, – взбившееся в котле чернильное облако бросалось в глаза издали. Если увидит Хранитель, разгорится скандал.

Подгоняемый страхом, трясущийся ветренник вернулся к котлу и, запустив черпак в варево, энергично размешал. Облако поблекло, расплылось, цвет его менялся на глазах: черное, коричневое, бурое...

Наверху со стороны лестницы что-то стукнуло. Угрожающе закрипели ступени. Вздрыгнув всем телом, бесенок сунулся черпаком в сердцевину облака, попытался погрузить его в глубь – к той самой плесени. Ошпаривая кожу, из котла фыркнуло брызгами, вскипело неожиданно алым, и, отбросив черпак, чертенок поспешил прочь. Если Хранитель решит, что все это проделано нарочно... Ему стало страшно. Ведь в сущности он ничего такого не хотел! Только попробовать!..

Съежившись от дурных предчувствий, дьяволенок поднял глаза на злополучный котел и в изумлении сделал шаг вперед. Там, где только что зависала багровая клякса, ничего уже не было. Только разливалась волнами и туманила поверхность непроглядная, напоминающая морскую глубину синева.

Не так уж много во Вселенной вещей, суть коих – вечность. Но бухгалтерская категория несомненно из их числа. Не умеющий помнить – заводит память, не умеющий мыслить – прибегает к спасительной бухгалтерии. И даже тот, кому подвластно первое и второе, на всякий случай предпочитает подстраховаться.

Хранитель принял в руки лист с золотистым текстом и неспешно прочел:

«..Выписка из протокола особой комиссии, подшитая в дежурный Журнал Хранилища Времени.

Допросом с пристрастием сменного попечителя Котлов установлено:

1. Тайно и злоумышленно произведено смешение двух непересекающихся времен. (Однократно).

2. Тайно, но не злоумышленно посредством трех замесов, совершенных деревянным черпаком (дуб из породы вечных) произведено смешение разнесенных пространств. (Трехкратно).

Итог:

Последствия глобального масштаба не имели, а потому инцидент считать исчерпанным, записав во внеочередное испытание, ниспосланное человечеству. Попечителя котлов понизить в должности с переводом в угольные копи. Протокол задержать при Службе Времени, не доводя до Канцелярии Всевышнего.

ХРАНИТЕЛЬ»

Оставалось только поставить подпись – витиеватую и властную закорючку, что и было сделано небрежным движением руки...

СМЕЩЕНИЕ

Хрипло дыша, центурион вогнал меч по рукоять в землю, чуть помедлив, выдернул. Лезвие вновь сияло. Кровь чудовища, зловонная и черная, осталась внизу, меж бесчисленных нор и кореньев, жирных земляных пластов, нашпигованных червями и личинками. Вложив оружие в ножны, он обернулся.

Восемьдесят с небольшим человек – все, что осталось от его центурии. Все они стояли теперь перед ним в перепачканных доспехах, с потемневшими лицами, пряча от начальника глубоко запавшие глаза. Но он-то видел, что изменения произошли. Да, они по-прежнему оставались лучшими легионерами претория, но этот день помял их и потискал, как мнет неосторожного охотника разбушевавшийся слон, как ломает галеру шальная буря. Вот и теперь он не сумел воспротивиться неизбежному. То, что стряслось с его солдатами, вторглось в их души, сломив слабых и смутив сильнейших. И именно в этот страшный день они чуть было не побе-

жали. Гвардия... Воины, не знавшие децимаций, никогда не переживавшие позора поражений. Он остановил их только чудом. Потому что возненавидел в ту роковую минуту самого себя. Уж собственному-то сердцу бесполезно лгать, и в тот миг он тоже трепетал от ужаса, готов был отступить, прикрыть голову щитом, не видя ничего и не слыша. И только уязвленная гордость способна была породить ту необыкновенную ярость, что в пару мгновений преобразила военачальника, распрямив тело, стянув мускулы тугой тетивой и метнув к чудовищу. Вероятно, часть его ярости передалась и воинам. Гнев подобен болезни и порой распространяется с потрясающей скоростью. Это, должно быть, их и спасло.

Им не удалось зарубить чудовище. Оружие со звоном отскакивало от панциря, оставляя безобидные царапины. Гигантская клешнястая тварь продолжала ворочаться и рычать, вгрызаясь в почву, отбрасывая от себя легионеров, обдавая их прогорклым смердящим дыханием. Окриками центуриону удавалось подстегивать воинов, заставляя вновь и вновь кидаться на зверя. И, прорвавшись наконец вплотную к темным, выпирающим у животного наружу венам, они взрезали их взмахами мечей, изрубили в клочья. Воздух, сотрясаемый чудовищным рыком, впервые огласился победными криками. Исход сражения стал ясен.

Позже, расступившись в стороны, они наблюдали, как содрогалось в агонии чудовище и как тяжелыми, сильными струями билась о землю густая, зловонная кровь. Черная кровь чудища! Пожалуй, это подействовало на людей сильнее, чем весь пережитый бой. Все гуще вокруг панцирного исполина курился душливый дым. Кашляя, воины отступали шаг за шагом. Где-то внутри зверя неожиданно блеснуло пламя, разгораясь сбегало на землю и здесь, толкнувшись, с ревом вспухло лиловым шаром над судорожно вздетой клешней.

Проведя рукой по лицу, центурион взглянул на ладонь. Кожу покрывала сажа. Она зловеще прочертила линии судьбы, точнее обозначила то, в чем так легко и просто разбирались уличные хироманты. Присев на корточки, он кое-как обтер руки пучком травы. Оглянувшись, встретился взглядом с Фастом. Советник стоял совсем рядом, и вряд ли кто-нибудь мог их сейчас слышать.

– Что скажешь, Фаст?

На узком, тронутом копотью лице советника не дрогнул ни один мускул, не прибавилось морщин на лбу и не изменилось выражение глаз. В этом был весь Фаст. Центурион не мог припомнить ни единого случая, когда кому-то удалось бы застать советника врасплох. На любое обращение Фаст реагировал мгновенно – все с той же невозмутимостью на лице.

– Ты хочешь спросить о том, что это было?

– Что это было, я вижу сам. Мне интересно узнать, откуда взялась эта тварь на нашей земле.

– На нашей земле? – уголки губ советника насмешливо дернулись – совсем чуть-чуть, но центуриону показалось, что Фаст над ним посмеивается. Вот что делает скупость. Жестокосердный тиран в сентиментальном порыве гладит по голове ребенка, и это умиляет окружающих. Не умеющий улыбаться слегка кривит губы, а кажется, что он хохочет...

Центурион медленно поднялся. Разговаривать с Фастом было не самым простым занятием.

– Что ты имеешь в виду?

Советник пожал плечами и этим сказал все и не сказал ничего. Центурион ощутил закипающее раздражение.

– В чем дело? Почему ты молчишь?

– Потому что это не наша земля, – тихо отозвался советник.

– Не наша? – центурион ничего не понимал. – Ты говоришь, не наша?

Фаст сосредоточенно кивнул. В нескольких шагах от них трескуче догорало чудовище, и на фоне этого зловещего потрескивания слова советника приобретали особое звучание.

– О чем ты толкуешь, Фаст? – голос центуриона дрогнул. – Опомнись! Или сражение омрачило твой рассудок?

– Не обманывай ни себя, ни меня! – сухо возразил советник. – Я только позволил себе усомниться в том, что эта земля наша. Впрочем, ты и сам скоро усомнишься в этом. Окружающее заставит тебя усомниться.

Центурион нахмурился. Нет... На сумасшедшего советник не походил. И на испуганного тоже. А кроме того было что-то помимо Фаста, этих его непонятных фраз, что начинало все больше беспокоить предводителя центурии. Где-то на горизонте маячило нечто, и это нечто он не в состоянии был пока распознать.

Незаметно для себя центурион шагнул вперед и с силой сдвинул локоть советника.

– Ты что-то знаешь, Фаст!

Советник покачал головой.

– Я знаю столько же, сколько и ты.

– Разрази тебя гром! Будь со мной откровенен, Фаст! Или замолчи!

– Если я замолчу, зачем я буду тебе нужен? – советник прикусил губу. – Я не провидец и могу только догадываться. Одну из своих догадок я только что высказал.

– Но ведь Сутри уже близко. Всего день пути! Лукулл там и давно ждет нас!

Фаст промолчал, и менее уверенно центурион повторил:

– Всего день пути, и мы соединимся с ним, разве не так?

Сильные пальцы военачальника причиняли боль, и, поморщившись, Фаст не без усилий освободился.

– Я сожалею, но он рискует нас не дождаться.

– Почему? – глаза центуриона недобро сузились. – Кто посмеет помешать нам?

Впервые с начала странного разговора советник отвел взор в сторону.

– Не знаю. То есть, я не совсем уверен...

– Назови мне имя! – с силой выдохнул центурион. Слова его больше напоминали змеиное шипение. Правая рука потянулась к ножнам.

Они замолчали. Центурион чувствовал напряжение Фаста и больше не пытался его торопить. Сдерживая себя, он ждал, когда советник соизволит наконец заговорить.

– Ты помнишь ту ссору с Акуаном? В жертвенном храме... Ты не убоился прилюдно оскорбить его.

– И что же?

– Акуан – верховный жрец. Никто не знает полной его силы...

– Глупости! Я сказал то, что думал и то, что должен был сказать.

– Он воспринял это как оскорбление и наверняка затаил обиду. А если... Если Акуан рассержен, это что-нибудь да значит. Одни боги знают, какую месть он замыслил.

– Глупости! – военачальник поморщился, взор его помрачнел. – Я служу богам и императору, но не сластолюбивым ничтожествам! Акуан бессилен что-либо сделать нам!

– Как видишь, нет, – Фаст натянуто улыбнулся. Беседа с центурионом совершила-таки невозможное. – Или у тебя имеется иное объяснение происходящему? Откуда этот мир, эта земля, это солнце?.. Не спеши с ответом! Прежде чем возразить, поразмысли. И оглядись повнимательнее.

Центурион хотел рассмеяться, но голос ему не подчинился. Человек, стоящий перед ним, определенно обладал гипнотической властью. Слова его обладали свинцовой тяжестью. От них не просто было отмахнуться. Впрочем... Так оно и должно было быть. В противном случае не назначили бы его советником. Не всякого стратега приближают к императору и уж, конечно, далеко не всякого берут в поход. Силу своего ума Фаст доказывал неоднократно. Прислушаться к его предостережениям не было зазорным...

Чтобы сбросить с себя путы наваждения, центурион порывисто обернулся.

Молчаливый лес, пылающее чудовище и черные, парящие в воздухе хлопья... Многие из воинов успели разбрестись среди деревьев, кое-кто с надеждой поглядывал в его сторону.

Нет... Центурион по-прежнему был уверен в своей маленькой армии. Страх, сковавший сердца, обязательно покинет солдат. Неуверенность пройдет, уступив место отваге и ярости, как это бывало раньше – в жестоких боях с кимврами, в кровавых и затяжных баталиях с испанскими наемниками.

Глазами он отыскивал Метробия, высокого, жилистого грека, стоящего в отдалении от прочих. Вот кто сумеет им помочь! Эти леса и горы грек знал прекрасно. Центурион надсадно вздохнул, думая, что это вздох облегчения. Сейчас... Сейчас Метробий приблизится к ним и, не изменяя своей обычной немногословной манере, укажет верное направление, разъяснив путаницу с маршрутом, поведав о какой-нибудь редкой особенности здешнего ландшафта. И все сразу встанет на свои места. Забудется неприятный разговор с Фастом, и стремительным маршем они вновь двинутся вперед, чтобы где-нибудь поблизости, возможно, в нескольких сотнях шагов, обнаружить наконец пыльную, в мозаичных разводах трещин Домициеву дорогу. И снова люди начнут улыбаться, начнут напевать на ходу, незаметно для себя ускоряя шаг. Иначе и быть не может. А Акуан... Акуан – всего-навсего жалкий придворный льстец, обманом приблизившийся к жреческому трону. И когда подойдет Метробий...

– Он ничем тебе не поможет, – тихо промолвил за спиной советник.

Даже не оборачиваясь, центурион знал, что уголки губ на вытянутом костистом лице снова насмешливо кривятся. На короткий миг он ослеп от жгучего желания ударить Фаста, пресечь эту всезнающую усмешку.

Солдаты частенько побивают случайно затесавшихся в их ряды философов. Частенько и с удовольствием. Где-то в глубине души центурион понимал их, хотя и стыдился этого своего понимания. «Хлеба и зрелищ!» – вопили во все времена плебеи. Мудреные речи вызывали оскомину, и даже римская знать охотнее шла в цирки, нежели на публичные выступления известных ораторов и поэтов.

И все же центурион сдержался. Ничего удивительного в том, что советник опять угадал ход его мыслей, в сущности не заключалось. Случалось такое и раньше. Но вот подобный всплеск гнева против изощренного ума стратега явился для военачальника скверной неожиданностью. Это было неприятным открытием, а, открывая в себе черточки скверного, люди редко радуются. Взяв себя в руки, центурион с брезгливостью ощутил, как каплями стекает по вискам пот, оставляя за собой холодные, липкие дорожки.

Чего же он все-таки боится? Панцирных чудовищ? Колдовских чар Акуана? Или неизвестности?.. Ответ нашелся неожиданно быстро. Пугающе ясно центурион вдруг увидел, как по-прежнему в стороне от всех Метробий неловко, словно испытывая землю ногами, ступает по колючей траве, а смуглые его руки движениями слепца ощупывают ствол неказистого деревца. Центурион словно разрубил в себе что-то, нанеся последний решающий удар. Это и было ответом самому себе. Он принял и пережил свое поражение перед Фастом, как факт свершившийся и бесспорный.

Никто, ни один человек в мире не знал, где они находятся. Никто не мог подсказать, где оборвался вчерашний путь, где остался Лукулл с войском и где пролегла сегодняшняя их тропа. Он действительно обманывал себя, и странный этот лес, молчаливые птицы с холодным солнцем – все было чужим и незнакомым. Фаст говорил правду, и, признавшись себе в этой непростой вещи, центурион по-иному ощутил дыхание ветра и иными глазами всмотрелся в окружающее.

Он не знал этих запахов, не знал названия этих трав и деревьев. Лес, в котором они проплутали полдня, не был Эпиценийским. Не было здесь Домициевой дороги и не было уютного городка Сутри. Они вовсе не заблудились!..

Стиснув кулаки, центурион устремил взгляд вдаль, на неласковое солнце. Туда же смотрели многие из воинов. Бледное светило покидало их, скатывалось в багровое зарево, за горизонт. Оставаться в неподвижности, вдыхая едкий чад и размышляя над необъяснимым, становилось все более невыносимым. Куда угодно, только не стоять! В самую жуткую неизвестность, только не задерживаться в этом гиблом месте возле догорающего чудовища, позволяя страху вновь овладевать людьми, вносить смуту в их души! Центурион властно поднял руку...

Через некоторое время, бряцая доспехами и оружием, змеистая колонна уже двигалась по тропе, сбегая между деревьями на дно тенистых оврагов, огибая холмы, пронзая облепленный паутиной кустарник.

Центурион больше не оглядывался. Он умел подчинять себя обстоятельствам. Главный перелом в сознании произошел, и с мыслью, что вечерний, засыпающий вокруг лес был чужим до последнего листочка, до последней твари, он успел свыкнуться. Они шли в никуда и шли только потому, что движение спасало от бесплодных раздумий. Воины должны оставаться воинами. Сомнения рождают нерешительность, а нерешительность – хуже злейшего врага, ибо роднится с трусостью.

Он попытался вспомнить человека, скрывшегося от них в лесу. Высокий, длинноволосый, он чем-то походил на галла. Чудовище изрыгнуло человека, едва они вышли на поляну, но никто тогда и не подумал преследовать его, настолько ошеломила их встреча с панцирным зверем. Сейчас военачальник горько жалел об упущенном. Человек мог бы серьезно помочь им. В любой войне «язык», взятый в стане врага, ценится превыше всего...

Центурион нахмурился. Впервые, пусть про себя, он назвал эту землю вражьем станом. Но так ли это? Как относиться к миру, в котором столь неожиданно очутилась центурия?..

Он внезапно замедлил шаг, рука его взметнулась к поясу. Что-то произошло, хотя он и не отдавал себе в этом отчета. Чутье воина опережало сознание. Лишь мигом позже центурион догадался, что слышит далекий, едва различимый рык. Пока это был даже не рык, а только смутное колебание воздуха, но он не сомневался, что узнал его. И, встрепенувшись, сердце болезненно стало раздуваться от разбегающихся толчков. Все повторялось. Жизнь шла по кругу, и загадочный лес с незнакомыми деревьями вновь выводил центурию на гигантских крабов из железа и черной крови. Словно сам рок завладел путями маленького отряда. Или... Глаза военачальника скользнули к небу.

Он стоял, забыв о Фасте, о далеком рычании, о том, что десятки взглядов приковано к нему, десятки ушей напряженно ждут от него приказа. И никто из них не догадывался, что он сам желает подобного приказа, жаждет получить хоть какую-нибудь подсказку. Он ждал знаменья, мучась непониманием того, что просят исполнить боги. Что вообще они могли просить? Может быть, поголовного истребления чудовищ? Или новых доказательств преданности?..

Озарение обожгло, как капля металла, брызнувшая на кожу. Он стиснул рукоять меча так, словно стремился задушить ворвавшуюся в мозг мысль. Мир покачнулся, и над большой незнакомой землей пронесся утробный вздох. Или это был стон? Зов о помощи?.. С готовностью, будто сам подталкивал руку, меч выскользнул из ножен, со свистом описал в воздухе сверкающий полукруг. Объятый жутким прозрением, центурион взглянул на него слепо, не узнавая. Мрачное пламя все жарче разгоралось в груди. Нет, небо отнюдь не молчало. Оно зывало к нему, его людям!

Взрыкивающий гул, доносимый ветром, звучал нескрываемым вызовом, плескался в ушах насмешливыми раскатами, заранее торжествуя победу чудовищ над людьми. Что ж... Пусть будет так! Если Эреб восстал, если боги оказались в западне у вырвавшихся из-под земли титанов, он поможет им! Его солдаты исполнят то, что не удалось небесным воителям!

С пылающим лицом центурион обернулся к легионерам. Четверо оптионов без звука шагнуло к своему командиру.

– Фаст!

Вторя опционам, советник покорно склонил седую голову. Они готовы были следовать за ним. Все до одного...

ПЕРВАЯ АТАКА

В сгущающихся сумерках легионеры атаковали врага. Они налетели стремительно, подобно набрасывающимся на добычу волкам, но добычей на этот раз оказались хищники еще более страшные.

Огромные, с железными челюстями, чем-то напоминающие кентавров, они извергли утробный рев и лакомились деревьями. Густой лес был превращен в пастбище для ненасытных желудков. Уже сотни стволов с серебристой, словно поседевшей хвоей, безжизненно лежали меж уродливых пней. Продолжая кромсать растительность, чудовища с медлительным упорством продвигались глубже и глубже в лес. Приближающаяся ночь их не смущала. Пространство освещали сверкающие глаза кентавров. В мечущихся всполохах можно было разглядеть суетящихся людей. Рабы обрубали сучья, цепляли стволы к крюкам и веревкам. Впрочем, не они интересовали центуриона. Все свое внимание он перенес на кентавров.

По его знаку легионеры, охватившие просеку живой петлей, бросились вперед. Атака началась, и центурион лично пожелал принять в ней участие. Чувствуя за спиной учащенное дыхание Фаста, он видел, как Солоний и Клодий – два его лучших опциона, командуют факельщиками. О факелах, зажигательных стрелах и знаменитом «греческом огне», хранящемся в глиняных сосудах, они позаботились заранее. Пламя представляло их главную силу. Неуязвимые для копий и мечей, титаны, как всякие хищники, пасовали перед стихией огня. Даже взбешенный слон отшатнется от пылающих костров. С огненной атаки и решено было начать бой.

Гортанно закричали опционы, клич подхватили воины. Время, лихой наездник, нетерпеливо вонзило шпоры в бока черногривому всхрапывающему коню. Все понеслось, завертелось, и центурион не заметил, как очутился в эпицентре схватки. Фаст не отставал от него ни на шаг.

Бой, впрочем, оказался удивительно скоротечным. Хотя так тому и следовало быть. Легионер не пугается одной тени дважды. Воины, если они настоящие воины, обязаны перенимать тактику врага, набираясь опыта и совершенствуя свой собственный. С самых первых минут в ход пошли пылающие вязанки хвороста, и залитый в глиняные сосуды «греческий огонь» ударил в панцирные бока кентавров. И неотвратимое случилось: окруженные стеной огня, чудовища встали. Лишь одно из них, ослепнув от искр, с рычанием вырвалось из рокового кольца и понеслось в чашу, ломая все на своем пути. Но уже через мгновение воины услышали, как с грохотом оно рушится в притаившийся в полумраке овраг.

Утерев со лба пот, центурион окинул взором поле сражения. Дело приближалось к развязке. Рабов, неумело сопротивляющихся короткими безобидными топориками, сбили в нестройную группу, проворно опутали веревками. Чудовища тем временем разгорались. Ближайшее к людям неожиданно содрогнулось, тяжелым вздохом выкатив в небо над собой жирный клуб пламени. И снова им пришлось отступить перед нестерпимым жаром, давая возможность огню завершить начатое. Центурион огляделся. В яркой кутерьме розовых отсветов перед ним предстала долина, усеянная мертвым лесом. Просека, на которой происходило сражение, была лишь частью протянувшегося широкой полосой кладбища. Чудовища тараном пробуравили лесную плоть, как червь спелое яблоко, и легионерам не было нужды гадать, откуда явились титаны. Путь их напоминал русло высохшей реки, окаймленной зелеными берегами нетронутого леса. «Дно» густо устилали поваленные деревья. Всюду, куда ни падал взор, топорщились корнями вывороченные из земли пни, ветви, листва и хвойная россыпь сливались в пестрый ковер смерти, уже тронутый желтизной и увяданием. Старуха с косой поработала здесь на славу. Она покуражилась бы еще, но они сумели остановить ее.

Центуриону почудилось, что он слышит шелест освобожденного дыхания. Чуть покачиваясь под ветром, серебрянный бор благодарил своих спасителей. Военачальник улыбнулся. Сомневаться не приходилось, – они избрали верную дорогу. И вполне возможно, что путь их с самого начала был освящен Фортуной и боги во главе с Юпитером внимательно следили за победным шествием центурии. Они нужны были этому миру! В их силах было что-то исправить...

– Надо решить, как быть с пленными.

Сдвинув брови, центурион нехотя повернулся к советнику. Долина осталась за спиной, в лицо снова дохнуло жаром.

– Нам не нужны пленники, – сухо отрезал он.

– Ты хочешь, чтобы их казнили?

– Нет, – центурион с внутренней усмешкой отметил недоумение на лицах оптионов. Один только Фаст понял его верно.

– Значит, мы отпускаем их?

– Ты прав.

– Как отпускаем? – Солоний удивленно вскинул голову. – Почему? Их можно использовать как заложников.

– И потом – эти прихвостни обязательно разнесут весть о нашем приближении, – добавил Клодий.

– Пусть. Мы не пираты, чтобы уповать на одну лишь внезапность. Мы – воины претория! И кроме того... – Центурион помедлил, – я полагал, вы уже поняли, что происходит. Мы не можем осквернить эту землю кровью рабов.

Никто не возразил ему, но никто и не поддержал. Они недоуменно молчали, и только Солоний, исполин с лицом, изборожденным шрамами, глухо и несогласно кашлянул. Трепет священного откровения, как видно, не коснулся их. Они были воинами от ног до макушки и иного – вне войны, вне стратегии и тактики не понимали.

Центурион отвернулся. Желания что-либо объяснять он не чувствовал. Да и стоит ли заниматься несвойственным ему делом? Он – командующий и отдает приказы, они – солдаты и обязаны ему подчиняться. Этого вполне достаточно.

Так или иначе, но концовка дня оказалась удачной. С полным правом легионеры вновь могли примерять лавровые венки победителей. Страх отступил перед славой. И главное... Главное, конечно, заключалось в том, что они обрели союзников – могучих и надежных. Боги призвали маленький отряд на эту погибающую землю и сами незримо встали в их рядах. Это следовало принимать как великую честь. Воины центурии оказались в числе избранных!..

ПРИВАЛ

Запах зажаренного на костре мяса плыл над прибрежным кустарником. Кое-кто из воинов продолжал коптить лица у костровищ, завершая немудреную трапезу. Местная дичь была мелкой, местная рыба не прельщала изысканным вкусом, но для утоления голода воину не нужны лакомства. Ночь прошла более или менее спокойно. Непривычный холод никого не смутил. Единственное серьезное препятствие для настоящего легионера – вооруженный враг. Но и с этой задачей легионер готов успешно справляться. Если же говорить о климате, отсутствии комфорта и грубой пище, то это дело собственной воли, а уж что-что, а волю римляне воспитывать умели.

Центурион стоял на берегу озера и, скрестив на груди руки, с интересом следил, как в мелкой прозрачной воде стаями шныряют мальки, склевывая брошенную в воду заячью требуху. Они крутились винтом, догоняли друг дружку, с плеском выпрыгивали в воздух, превращаясь на миг в сверкающие серебрянные монетки.

Ветреное легкомыслие!.. Беззаботный пир не мог, разумеется, длиться вечно. Предводитель центурии твердо знал: на земле ли, под водой – везде и всюду действуют одни и те же суровые законы. Любой мир длится ровно столько, сколько требуется воину, чтобы заново проголодаться. Чувство голода – это жажда крови, утоление голода – это война. Любой мир, в сущности, – не что иное, как пауза между сражениями. Иначе люди и не умеют. Отдыхая, нельзя забывать, что руки созданы для оружия, а тело и мускулы для походов. Празднуя и веселясь, человек занят несвойственным ему занятием. Истинное призвание человека – борьба. И бороться, увы, всегда есть за что.

Глаза военачальника потеплели, когда вблизи от резвящихся рыбок он заметил черную, медленно продвигающуюся вперед тень. Вот он и долгожданный враг! Коварный и подлый, как все враги, могучий, не знающий жалости и снисхождения... Мышцы центуриона невольно напряглись, словно там, в воде, этим хищником был он, а не эта крадущаяся рыбина. Вода коротко взбурлила, и, клацнув, утиная пасть стиснула нерасторопную жертву. Лениво шевельнув хвостом, черная рыбина равнодушно проплыла над белеющими на дне потрохами и в одиночестве двинулась в сторону глубины. И тут же на мелководье потянулась любопытствующая мелюзга. Будто и не случилось ничего, будто не уменьшилась их стайка на одного несчастного малька.

Вздрыгнув, центурион поднял голову. Он и сам не знал, что заставило его посмотреть вверх. Может быть, зловещее предчувствие надвигающейся беды. Он ждал ее весь вечер и всю ночь, он не сомневался, что покой их зыбок и кратковременен. В конце концов и человек тот же малек. И черных рыбин вокруг него предостаточно.

Он смотрел вверх, и пальцы его нервно теребили кожаный пояс. Над лесом, на огромной высоте, неторопливо летела необычная птица. Собственно, она даже не летела, а плыла, странно замерев раскинутыми крыльями, не делая ни единого взмаха. Пожалуй, больше она походила на скользящую в удивительно прозрачной воде акулу. За птицей тянулся вязкий белеющий след, и синева неба, рассекаемая смертельным шрамом, медленно расползалась надвое. Центурион попытался отвести взгляд, но не смог. Жуткое зрелище завораживало. Что-то подсказывало военачальнику, что за полетом птицы следует проследить до конца. И внутренне он был уже готов к тому, что случилось в следующее мгновение. Прямо по курсу птицы возникло неясное пятно. С пугающей стремительностью оно темнело и росло, превращаясь в нечто выпуклое и дымящееся. Происходящее не поддавалось описанию. Дымный призрак рос на глазах, явственно приближаясь к земле. Центурион сообразил вдруг, что это не пятно и не призрак. Целясь в маленькое озеро, небесную сферу пронзило раскаленное до красна копьё.

На берегу тревожно закричали, и сейчас же зазвенело разбираемое оружие. Кто-то отчаянно звал центуриона, но он стоял, не двигаясь, прекрасно сознавая, что они не успеют ничего предпринять. Все совершалось чересчур быстро. От пробитого в глубине небес отверстия во все стороны побежали ветвистые трещины, черной гигантской молнией копьё прорвалось в этот мир, устремляясь напрямик к цели. А снаружи кто-то продолжал наваливаться телом на небосвод, когтями раздирая лазурную ткань, один за другим жадно сглатывая голубые лоскутья. И там, за этими трепещущими обрывками, перед глазами людей распаивалась багровая тьма.

Чем-то это напоминало первый их переброс, когда вместо Домициевой дороги спустившийся с небес пыльный ураган преподнес лес, заполненный панцирными тварями...

Земля под ногами дрогнула, солнце, дремотно висевшее у горизонта, встрепенувшись, понеслось огненной свечей, описывая над озером крутую дугу. Ослепительным шаром оно ударило в небесный разлом и грохочуще взорвалось. И тотчас, пронзив клубящийся хаос, черное копьё погрузилось в середину озера. Пенной волной на берег хлынула вода, и, рассыпаясь в прах, стала исчезать зелень. С лопающимся треском лес проваливался в землю, хвоя вспыхивала, окутываясь облаком серебристого пепла. Головы у людей кружило. Появлялось жут-

коватое ощущение, что воинов возносит к летящим навстречу верхушкам. Содрогание почвы усилилось, мир перед глазами размазался, чудовищно перемешав цвета. Правое стало левым, а черное обратилось в белое. Слабое человеческое сознание не в состоянии было справиться со всем этим. Центурион без сил опустился на колени...

Озера больше не существовало. Отныне перед уцелевшими легионерами расстилалась унылая пашня. Где-то на горизонте топорщился елями убежавший от них лес, а сразу за полосою пашни, блеклыми мраморными изваяниями из отступающего тумана медленно прорастали грибовидные очертания крыш, кривые линии заборов, узкие коридорчики улиц.

Они расположились во дворе, возле самого высокого из зданий в деревне. Под раскидистым дубом, из отобранных у жителей деревеньки перин центуриону соорудили подобие ложа. Рядом, поверх таких же перин, раскинули походный шатер. Военачальник не собирался селиться в бревенчатых, мрачноватых избах. Они внушали ему тревогу, и здесь, на открытом воздухе, он чувствовал себя в большей безопасности. Одним взглядом с этого пригорка можно было окинуть всю деревню, окружающие ее пашни и поля, желтую, как песок, дорогу, зигзагом убегающую к далекой щетке леса.

Они сидели вдвоем с Фастом, лениво переговариваясь и наблюдая, как Солоний тщетно пытается допросить местного старейшину. Этого самого старейшину не пришлось искать, он заявился к ним сам – вполне добровольно, но, увы, проку от него не было пока никакого. Пухлый человек, с птичьим хохолком надо лбом и аккуратной лысиной на макушке, упорно не понимал задаваемых вопросов. Беспреданно кивая, он невпопад улыбался и что-то торопливо лопотал. Ни один из воинов не мог разобрать его речи. Но самое удивительное заключалось в том, что человек не понимал языка жестов. Лицо его кривилось и передергивалось, изображая попеременно собачью преданность и некую умиленную радость, маленькие, как у ребенка, ручки активно жестикулировали. Он не понимал легионеров, они не понимали его. Диалога не получалось, и у центуриона все чаще начинала появляться мысль, что они пытаются договориться с идиотом. Впрочем, разговора не выходило и с прочими жителями селения. Люди избегали легионеров, попрятавшись по домам и сарайчикам. Многие на потеху воинам пытались укрыться в травяных стогах. Это было и вовсе непонятно. Любой стог можно было поджечь малейшей искрой, но жители этого явно не сознавали. И никто из них по-прежнему не спешил благодарить их за уничтожение чудовищ, за свободу, подаренную населению деревни.

Центуриону пришло на ум, что возможно, Солоний был прав, предлагая не сдерживать легионеров. Солдаты заслуживали отдыха, наград и трофеев. Но центурион ни на минуту не забывал, где они находятся. Священная, призывавшая их на помощь земля не потерпела бы грабежей и насилий. Что простительно обычным наемникам – не к лицу преторианской гвардии... Центурион подумал, что отчасти лукавит перед самим собой. Он рассуждал столь благородным образом по причине того, что сам в далеком детстве насмотрелся на озверевших от крови испанцев, пьяных и горланящих, врывающихся в жилища, глумящихся над женщинами, ломающих все, что не под силу унести с собой. Обагренная кровью и пожарищами страничка не забылась, хотя время и сгладило однозначность восприятия, превратив пережитое в спутанный клубок сомнений. Насилию центурион противился, насилие презирал, но и необходимость его принимал, сознавая, что насилие – это всего лишь часть целого и естественного. И если нормально, что лев перегрызает горло антилопе, то незачем удивляться тому, что творит воин, врываясь с мечом в ряды дерущегося неприятеля. Правитель, отказывающийся от насилия, достоин золотых слов в истории, но в той же истории таковых не найти, потому что отказавшиеся от зубов и мускулов живут недолго. Они – камень преткновения, о который спотыка-

ется мир, – и потому камень этот беспощадно удаляется. Сражаться – более, чем естественно. Это будни человека, его второе дыхание. И, наказанное войной, вконец обескровленное, человечество долее жаждет мира. А излишнее великодушие порождает смуту, пьянит головы хуже самого крепкого вина. И тем большего презрения заслуживал местное население, не сумевшее оценить благородного поведения центуриона, его попыток удержать оптионов в рамках дозволенного.

– Как видишь, они даже не способны целенаправленно изъясняться, – процедил центурион. – Разве это не свидетельствует о потере человеческого облика? И почему мы решили, что он старейшина?

– Так предположил Солоний. Это самой большой дом в селении, и человек, судя по всему, в нем живет. А что касается человеческого облика, то... Они напуганы – только и всего. Чудовища могут вернуться, и сейчас они думают только об этом.

– Кажется, им наглядно показано, чего стоят их хозяева. Почему бы им не выпрямить спины и не взяться за оружие?

– На это тоже есть одна веская причина. Они не воины.

– Они рабы, и в этом вся штука! – центурион вспыхнул. – Рабы всегда перед кем-нибудь пресмыкаются. В этом их суть. И именно по этой причине им никогда не разогнуть своих согбенных спин.

– Тогда отчего они не пресмыкаются перед нами?

Центурион стиснул челюсти. Спор был нелеп и непонятен. Еще более нелепым был предмет спора. Впрочем, они и не спорили. Военачальник изливал избыток желчи, Фаст привычно отражал его словесные атаки. Советнику хотелось быть объективным – только и всего.

– Зачем же им пресмыкаться перед нами? Мы – пришлые, а они... Они хранят преданность старым хозяевам.

– Это можно назвать и другим словом. Например, верностью.

– Рабская преданность – и ничего больше! – запальчиво возразил центурион.

– Хорошо. Но если они преданы из чувства страха, стало быть, нас они не боятся. Ты это имеешь в виду?

– Я сказал то, что я сказал! Они – рабы, и этим все объяснено. Они не способны понять язык жестов, не понимают снисхождения и при всем при том со спокойствием взирают, как панцирные твари топчут их землю. Как можно относиться к тем, кто продает свою страну, своих богов, самих себя?!

– Если они спасают свою жизнь, можно ли рассудить, что они предают самих себя?

Центурион скрежетнул зубами. Философия не являлась его стихией. Техника владения мечом, стратегия и тактика – в этом он что-то понимал, в этом был силен. Яд же, таящийся в словах, змеиная гибкость фраз зачастую вызывали у него мутную головную боль. Словесные хитросплетения заводили в тупик без всякой надежды выпутаться. Но он не стыдился этого. Ораторы, политики, земледельцы – каждый на этой земле занимался своим делом – тем самым, ради которого был рожден. И постичь все за одну-единственную жизнь, овладеть всеми мирскими профессиями было изначально невозможно. Этот разговор он однако поддерживал по собственной инициативе. Значит был в том какой-то интерес, а возможно, в нем говорило элементарное мальчишеское упрямство. Последнее слово хотелось оставить за собой. Советник же такой возможности не давал.

– Спасение самого себя – это не спасение жизни, – медленно и, как ему казалось, рассудительно вымолвил он. – Это защита своей славы, своей чести.

– А если нет ни того, ни другого?

– Значит, и то и другое следует заработать. Трудом, подвигами, чем угодно.

– Но для этого надо сначала сохранить жизнь.

– Чем они и занимаются от рождения и до конца своих дней! – центурион фыркнул. – Пойми, Фаст, в этом и кроется главное отличие раба от свободного гражданина. Первый спасает жизнь всеми доступными ему средствами, последний всегда посвящает чему-либо.

– Хорошо. Тогда объясни, что делать вчерашнему воину и сегодняшнему пленнику? Правом победителя он ведь тоже превращен в раба?

Центурион задохнулся от гнева. Фаст попросту издевался над ним!..

– Я не понимаю, к чему ты клонишь!

– Тогда прекратим на этом, – советник успокаивающе коснулся его руки. – Лучше поговорим о том, что ты намерен предпринять дальше.

– Дальше? – центурион недоверчиво взглянул на собеседника. – Ты спрашиваешь об этом у меня?

– Будет лучше, если о твоих планах узнают хотя бы оптоны. Безусловно – кое о чем они догадываются, но догадки еще не знание.

Внимательно всмотревшись в лицо Фаста, военачальник скупно улыбнулся. Все-таки оставалось еще что-то, в чем советник не в силах был тягаться с ним. Философия и логика – прекрасные вещи, но и они пасуют перед интуицией. Внезапное открытие приятно удивило центуриона. Злость разом угасла. Спор оказался для него бесполезным. И прежде всего он вдруг уяснил, что многомудрый и хитрый советник по-прежнему не понял главного! То, о чем спрашивал Фаст, следовало адресовать не к предводителю центурии, а выше. Гораздо выше!.. Откуда мог он знать, что уготовили им боги! Они и только они являлись стратегами, определяющими будущее маленького отряда. Людям оставалось лишь полагаться на редкие знамения, на собственное сердце и чутье. Сам центурион уже смирился с такой долей и успел принять ее как неизбежное. То же самое мог посоветовать и Фасту...

Ветер шевельнул волосы на голове центуриона, он почувствовал ядовитый запах гари. Соперничая с восходящим солнцем, вдали ярко разгорались постройки. И не постройки даже, а конструкции из десятков гигантских труб, металлических механизмов и пугающе изломанных геометрических фигур. Смутно центурион чувствовал некую связь между чудовищами и постройками. Потому и приказал сжечь то и другое. Воля его была исполнена. С чумазыми лицами к лагерю возвращались факельщики. «Греческий огонь» снова был пущен в ход. И снова безуспешно. Дым валил гуще и гуще, перекрыв темными облаками треть горизонта. Глядя на эти облака, что-то жалобно прокричал старейшина и с неожиданной резвостью бросился к ложу военачальника. Солоний подцепил его за подол и, перехватив поперек туловища, кротко взглянул на центуриона. Человечек поскуливал, делая отчаянные попытки вырваться. Пальцами он то и дело испуганно тыкал в сторону полыхающих построек. Центурион поморщился. Истолковав это как команду, Солоний поставил человечка на землю и, развернув вокруг оси, легонько ткнул кулаком в затылок. Взмахнув руками, человечек пробежал несколько шагов по двору и растянулся на траве. Тут же поднялся на четвереньки и проворно отполз в сторону, к ветхому заборчику, где и уселся, утирая кровотокающий нос.

– Как видишь, ему не нравится, когда жгут логово его хозяев, – язвительно произнес центурион.

Фаст безразлично пожал плечами. Он не хотел возобновлять спор. Военачальника это вполне устраивало.

Тем временем факельщики разбрелись по дворам. Часть из них задержалась у колодца. Заскрипел ворот, с удовольствием разоблачившись, легионеры принялись поливать друг друга из ведер. Наверное, вода оказалась ледяной, потому что вскрикнул один, а за ним сразу другой...

Глядя на гогочущих воинов захотелось улыбнуться и центуриону, но он не улыбнулся. Но и не возроптал. В иной ситуации следовало бы немедленно пресечь шум, но сегодняшнее положение было особенным. Более того – центурион понимал, что качественно изменился

и статус каждого воина. В этих краях рассчитывать на какие-либо резервы не приходилось. Он мог полагаться только на собственных солдат и потому этих самых солдат ценил сейчас как никогда. Чуть отвернувшись, он сделал вид, будто ничего не происходит. Что страшного в том, если воины немного позабавятся? В конце концов с задачей они снова справились, дьявольское здание из десятков труб разгоралось все ярче. В ясное небо исполинским столбом поднималась черная клубящаяся муть.

Центурион и сам бы не ответил, отчего сооружение из труб и колонн пробудили в нем такую ненависть. Мерзкий ли запах, выжимающий из людей кашель, был тому причиной или сероватый, покрывший липким слоем траву и деревья налет? Как бы то ни было, но от загадочных конструкций на расстоянии веяло недобрым и зловещим, и он поступил так, как подсказывало ему сердце солдата.

Строение продолжало гореть. Серые краски обугливались, скручиваясь темнеющими стружками, осыпались на землю. Происходило жутковатое. Через мешанину огня перед людьми все отчетливее прорисовывались истинные черты уничтожаемого. Центурион не ошибся. Здание тоже являлось творением титанов. Черный скелетообразный остов смотрел на них безглазыми провалами окон, и оттуда, из этих провалов, змеиными языками вытягивались розовые огненные жгуты. К счастью, людям они больше не угрожали...

Одна из колонн скрежещуще накренилась, вздымая искристые облака, начала рушиться. Строение располагалось от деревни на приличном расстоянии, и все же треск падающей машины был слышен и здесь. Ухнула земля, принимая удар, марево над пожаром припорошило золотистой пылью. Центурион удовлетворенно погладил кожаный, золотом расшитый пояс, украдкой покосился на советника.

Итак, Фаст по-прежнему терзался ненужными сомнениями. Он так и не осознал, что происходящее ни в коей мере не зависит от них и возможно, все еще пытался объяснить случившееся злыми кознями Акуана. Владея орудием логики, он не испытал того внутреннего озарения, что милостиво посетило центуриона. Военачальник испытал горделивую радость. Что бы там ни придумывали про добродетели, никто из людей не откажется от маленького превосходства над окружающими. Будь то богатство, ум или знание истины. Эту самую истину центуриону и удалось разглядеть.

ОНИ НЕ БЫЛИ ВОЛЬНЫ ВЫБИРАТЬ СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ ПУТЬ! Волею Зевса центурия посылалась туда, где ощущалась необходимость в мужественных и честных сердцах. Война с черными силами шла полным ходом, и им не следовало ломать головы над уже решенным. Они носили звание воинов, и единственное, что от них требовалось, это умение сражаться. Сражаться во имя Земли, во имя небесных властителей...

С оттенком сочувствия военачальник взглянул на Фаста. Он по-прежнему не собирался что-либо объяснять советнику. Одна из ценностей этой жизни – познание непреходящих истин. И подобное познание бывает только самостоятельным. Идея, подсказанная другом, не стоит ломаного гроша, и ни наставники, ни самые искусные педагоги не заменят такой беспримерной вещи, как личный опыт. В личном первый помощник самому себе – ты сам! Иное попросту не предусмотрено жизнью.

Часть воинов решено было поселить в двухэтажном доме. Для этого следовало очистить его от лишних вещей. Вот тут-то у Солония и возникли некоторые осложнения. Как только из здания стали выносить мебель, угомонившийся было старейшина снова проявил удивительную прыть. Выкрикивая писклявым голосом какие-то слова, он бросился к легионерам, выволакивающим из здания вещи. Башенноподобный вид Солония, вставшего на пути, его не испугал. Маленького человечка отпихивали, а он продолжал упрямиться. Это было что-то

новенькое, и воины потихоньку начинали посмеиваться. Раз за разом старейшина бросался к дверям, и, сердито пытаясь, опцион ловил его по двору, а, поймав, в охапке выносил за калитку. Через минуту все комическим образом повторялось. Заметив интерес окружающих, Солоний уже не решался позвать кого-либо на помощь или применить что-либо более действенное, нежели обычные оплеухи. Слишком уж невзрачной выглядела фигурка старейшины рядом с атлетическим торсом разодетого в сверкающие доспехи воина. По всему было ясно, что человек проделывает это не забавы ради, но зрителей становилось все больше и больше, многие откровенно смеялись.

Фаст высказал предположение, что старейшину, по всей видимости, беспокоит бесцеремонное обращение легионеров с мебелью, выносимой из дома. Центурион склонен был с ним согласиться. Здание очищали не особенно церемонясь. Соперник Солония кидал отчаянные взгляды на верхние этажи. Все они были нараспашку, и под одобрительные возгласы наблюдателей оттуда густо высыпали пестрый хлам: какие-то детские барабаны, деревянные стулья, матерчатые щиты с надписями и кипы разлинованных папирусов. Вероятно, именно эта процедура так разволновала нелепого человечка. Центурион покачал головой. Кто знает, могло получиться и так, что человечек проделывал все эти трюки исключительно ради односельчан – нынешних свидетелей его бесстрашия. Вернувшимся хозяевам кто-нибудь обязательно поведал бы о его самоотверженном поведении. Глупый раб не догадывался, что время «хозяев» прошло. Приговор был произнесен, они явились сюда в роли его исполнителей.

– Какой занятный механизм... – Фаст смотрел на воинов, обступивших черное, напоминающее диван устройство. Его только что вынесли из дверей и, откинув деревянную крышку, обнаружили под ней ряды белых и черных клавиш. Легионеры тюкали по ним своими узловатыми пальцами, и черный «диван» откликался сочными приятными звуками.

– Сдается мне, это музыкальный инструмент, – Фаст повернул голову к центуриону. – Может, мы их недооценили? Взгляни на эту механику. И стекло... Все окна у них застеклены.

Центурион нехотя кивнул. Он тоже обратил на это внимание. Но заметить – не значит принять. Что-то внутри него противилось этому. Может быть, он предчувствовал, что утвердившись на тропке приятия, ему придется с каждым шагом принимать все более трудные решения. Стекло, механическая музыка... Что последует за ними? Проще было списать все на многомудрых титанов. Эти же рабы не могли самостоятельно дойти до тайны изготовления стеклянных пластин. Они, конечно же, пользовались готовым, и подобный ответ устраивал центуриона более всего...

Заглушая игру музыкального инструмента, на улице звонко громынула колодезная цепь. Кто-то выпустил из пальцев рукоять ворота. И разом прекратились все разговоры. Смеявшиеся умолкли. Не поднимая головы, центурион медленно встал. Он уже знал, что означает такая внезапная тишина. Это было предвестием грозы. Длительного отдыха не получилось...

БОЙ

– Они приближаются! – прокричал кто-то.

Окинув окрестности взглядом, центурион ничего не увидел. Еще догорало жутковатое строение, почерневшими тушами остывали на полях сожженные чудовища. Но дорога была пуста, со стороны пашень опасности тоже не наблюдалось.

– Выше, – подсказал Фаст. – Они передвигаются по небу.

Центурион послушно поднял глаза. Три крохотных точки зависли меж облаков. Так, по крайней мере, казалось на первый взгляд. Но он тут же сообразил, что точки не стоят на месте, быстро приближаясь, принимая округлые, необычные для птиц очертания. Теперь они напоминали огромных стрекоз – с пузатыми, бочкообразными туловищами, длинными палочками хвостов и обилием глаз. Злыми командами опционы уже сгоняли легионеров

в шеренги. Жестом центурион поманил к себе Клодия и выразительно кивнул на дощатые изгороди. Через минуту дерево затрещало под десятками крепких пальцев. Центурия спешно изготавливалась к бою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.